

— ПРЕЖДЕ ЧЕМ Джозеф к вам переедет, — сказала миссис Страуд, — вы должны кое-что узнать.

Она выложила на кухонный стол папку с надписью «Департамент здравоохранения и социального обеспечения штата Мэн».

Мама внимательно посмотрела на меня, потом на отца.

— Пусть Джек тоже знает, что нас ждет. — Отец положил руку мне на плечо. Потом повернулся ко мне: — Может, тебе это еще нужнее, чем нам.

Мама кивнула, и миссис Страуд открыла папку.

Вот что она нам рассказала.

Два месяца назад Джозеф находился в ювенальном центре Адамс-Лейк, и там в мужском туалете ему подсунули какую-то дрянь. Джозеф зашел в кабинку и ее проглотил.

Его долго не могли найти, а когда воспитательница его обнаружила, он завопил что есть мочи.

Воспитательница велела Джозефу немедленно выйти из кабинки.

Он продолжал кричать.

Воспитательница велела ему немедленно выйти — или ему не поздоровится.

Тогда он вышел. И чуть ее не убил. Хотя Джозеф так себя вел под воздействием той дряни, что ему подсунули, его все равно отправили в Стоун-Маунтин. Никто не стал ни в чем разбираться.

Джозеф никогда не рассказывал о своей жизни в Стоун-Маунтине. Но после возвращения оттуда он не носит ничего оранжевого*.

Никому не позволяет стоять у себя за спиной.

Никому не дает к себе прикасаться.

Не заходит в слишком маленькие комнаты.

И не ест консервированные персики.

— Мясной рулет он тоже не особо привечает, — и миссис Страуд закрыла папку с надписью «Департамент здравоохранения и социального обеспечения штата Мэн».

— Ну уж от консервированных персиков моей мамы он точно не откажется, — заметил я.

— Посмотрим, — улыбнулась миссис Страуд, а затем добавила: — Джек, я должна рассказать тебе еще кое-что. Твои родители уже в курсе...

* В тюрьмах США заключенные носят оранжевую униформу. (Здесь и далее — прим. ред.)

— Что?

— У него есть дочь.

Я чувствовал на плече руку отца.

— Ей почти три месяца, но Джозеф никогда ее не видел. Душераздирающая история.

Миссис Страуд протянула папку маме:

— Оставляю это вам, миссис Хёрд. Изучайте, а потом решите. Позвоните мне через несколько дней, когда определитесь.

— Мы уже всё обсудили, — ответила мама. — И уже приняли решение.

— Вы уверены?

Мама кивнула.

— Уверены, — подтвердил отец.

Миссис Страуд посмотрела на меня.

— А ты, Джек?

Рука отца все еще лежала у меня на плече.

— Когда он приедет? — спросил я.

ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ, в пятницу, миссис Страуд привезла Джозефа к нам домой. Он выглядел как обычный восьмиклассник из Истхэмской средней школы.

Черные глаза, черная челка почти до бровей, рост чуть меньше среднего, вес чуть меньше среднего, а все остальное среднее.

Так и вправду мог бы выглядеть любой другой восьмиклассник из Истхэмской средней школы. Вот только у него была дочь. И он не смотрел на вас, когда говорил — если вообще говорил.

Выйдя из машины миссис Страуд, он ни с кем не поздоровался. И не позволил маме обнять себя. И не пожал руку отцу. А когда я привел его в нашу комнату, он закинул свои вещи на верхнюю койку и забрался наверх — все это молча.

Я тоже улегся с книгой на нижней койке и читал, пока отец не позвал нас доить коров.

В Большом хлеву мы с Джозефом распотрошили три тюка с сеном и наполнили все кормушки — я объяснил ему, что начинать надо всегда с кормушки Квинта Сертория,* который жил в Малом хлеву, потому что он старый конь и не любит ждать, — а потом началась дойка.

Отец сказал, пусть Джозеф для начала просто посмотрит, а помочь еще успеет. Джозеф встал, прислонившись спиной к стене. Коровы повернулись и посмотрели на него, молча. Даже Далия. Все

* Квинт Серторий (120-е годы до н. э. — 73 год до н. э.) — римский политик и военачальник. Плутарх рассказывает, как мудрый Квинт Серторий убедил вождя одного иберийского племени присоединиться к его войску. Он приказал привести двух коней: слабого вел могучий воин, а крупного и сильного — немощный старик. Сильному воину велели вырвать хвост своей лошади целиком, схватив его двумя руками, и у того ничего не получилось. А старику — вырвать хвост своего коня по волоску, и пусть не быстро, но он справился с задачей. Благодаря такому убедительному примеру к войску Сертория вскоре присоединились все племена Иберии.

жевали сено, как обычно. Похоже, он им понравился.

Когда очередь дошла до Розы, отец спросил Джозефа, не хочет ли он ее подоить.

Джозеф покачал головой.

— Она смирная. Всем разрешает.

Джозеф промолчал.

Но когда отец закончил доить и вынес пару полных ведер, чтобы вылить молоко в охладитель, Джозеф подошел к Розе сзади, протянул руку и почесал ей спину над хвостом. А ведь он даже не знал, что Роза обожает всех, кто чешет ей крестец. Когда она замычала и завиляла задом, Джозеф быстро отступил на пару шагов.

— Она просто говорит тебе, что... — начал было я.

— Мне плевать, — и Джозеф вышел из хлева.

Однако на следующее утро, когда мы втроем пришли на дойку в Большой хлев, Джозеф первым делом подошел к Розе и снова почесал ей крестец. И Роза промычала Джозефу, что он ей нравится.

Тогда я впервые и увидел, как Джозеф улыбается. Ну типа того.

Раньше Джозеф никогда не прикасался к крупу коровы. Или к ее вымени. Правда. Так что доил он ужасно. И хотя, пока Джозеф пытался доить Розу, я все время чесал ей крестец, она очень разнервничалась и в конце концов опрокинула ведро — а Джозеф не догадался загородить его ногой от ко-

пыта. Но ничего страшного, все равно в ведре почти не было молока.

Джозеф поднялся, и тут вошел отец.

Отец посмотрел на опрокинутое ведро и пролитое молоко.

Потом на Джозефа.

— Я думаю, тут хорошо бы кое-что закончить, Джозеф.

— Если вам так нужно молоко, то поблизости наверняка есть магазин, где все нормальные люди его покупают.

— Не нужно мне молока, — отец указал на Розу. — Но ей нужно, чтобы ты ее подоил.

— Да с чего это?..

— Ты ей нужен. — Отец отставил в сторону два своих ведра и поправил под Розу ведро Джозефа. — Садись на табуретку.

Хоть и не сразу, но Джозеф подошел и сел, а отец опустился рядом на колени и просунул руку под вымя.

— Показываю еще раз. Большим и указательным пальцами зажимаешь сосок у основания — вот так, а потом всеми пальцами плавно сцеживаешь молоко — вот так.

Струя молока ударила в металлическое дно. Еще одна. И еще. Отец поднялся.

Прошло несколько секунд. Много секунд.

Потом Джозеф нагнулся и попробовал доить.

Не выдоил ни капли.

— Сожми в кольцо большой и указательный пальцы, сильнее, и веди рукой плавно вниз.

Джозеф попробовал снова.

Отец принялся чесать Розу крестец.

Она замычала, показались первые капли. Медленно и неуверенно, но Джозеф доил, и вскоре уже слышался не звон молока о металл, а плеск молока в молоке.

Отец посмотрел на меня и улыбнулся. Потом стал обходить Джозефа со спины, чтобы подобрать свои ведра.

И вдруг — бац! Джозеф вскочил, будто под ним что-то взорвалось. Ведро снова опрокинулось, и табуретка тоже, а Роза испуганно замычала. Джозеф стоял, прижавшись спиной к стене, подняв руки в защитной стойке, смотрел на нас (хотя обычно он ни на кого не смотрел) и дышал так часто и тяжело, словно во всем мире внезапно закончился воздух.

Я заметил в отцовских глазах то, чего никогда раньше не видел. Печаль, что ли.

— Извини, Джозеф, я постараюсь не забывать, — он наклонился за ведрами. — Я сам здесь все закончу. А вам, ребята, лучше вернуться в дом и вымыться. Джек, скажи маме, что я скоро приду.

Когда мы с Джозефом вышли на улицу, уже почти рассвело. Лучи солнца спускались с освещенных вершин на западе на наши убранные и перепаханые, готовые к долгой зиме поля. Пахло холодным воздухом и печным дымом. По краям пруда появилась наледь, сердившая гусей, и было слышно, как в Малом хлеву фыркает Квинт Серторий,

а в Большом — мычит Роза. В сером дворе все постепенно приобретало цвет: сарай — красный, ставни — зеленый, дома и курятник — желтый, полосатый кот, устроившийся на заборе, — огненно-рыжий.

Джозеф не остановился. И ничего этого не увидел. По-прежнему тяжело дыша, он вошел в дом. Дверь за ним захлопнулась.

И все же в тот день вечером он снова пришел в Большой хлев. И почесал Розу крестец. И она замычала. А потом он ее доил. Долго-долго, и выдоил все до капли.

— Как думаешь, Джозеф у нас освоится? — спросила меня мама позже.

— Роза он понравился, — ответил я.

Мама сразу все поняла. Ведь корова хорошего человека чует.

В ПОНЕДЕЛЬНИК мы с Джозефом попробовали доехать до школы на автобусе. Проще простого, я проделывал это миллион раз. Ждешь в темноте и на холоде, подходит автобус, мистер Хаскелл обычно не здоровается и даже не смотрит на тебя, потому что и ему холодно и темно. Он, знаете ли, не то чтобы всю жизнь мечтал быть водителем автобуса, так что тебе лучше заткнуться и сесть. Ты затыкаешься, садишься, и автобус катит в среднюю школу Ист-хэма.

Проще простого, как уже было сказано.

Но в то утро, когда мы садились в автобус — сначала я, за мной Джозеф, — мистер Хаскелл посмотрел на него и сказал:

— Да ты тот ребенок, у которого есть ребенок. — Тут Джозеф замер на ступеньках автобуса. — Я не поверил, когда мистер Кантон рассказал нам об этом. Не рановато ли?

Джозеф повернулся и вышел из автобуса.

— Эй, если хочешь прогуляться, мне по барабану. Три километра, валяй, парень. А ты-то что творишь?

Последние слова были адресованы мне, потому что я тоже вышел из автобуса.

— Спятели оба, — буркнул мистер Хаскелл.

Я пожал плечами. Может, и так.

— Послушай, я не имел в виду ничего такого. Просто хотел с тобой познакомиться.

Джозеф не двигался. Буравил водителя своими черными глазами.

Мистер Хаскелл насупился.

— Ну как хотите, на улице минус шесть.

Он закрыл дверь и включил передачу. Я видел, как из окон автобуса на меня пялились Эрни Хапфер, Джон Уолл и Дэнни Нэйшенс. Все были в наушниках, а выражение лиц такое, будто я самый большой придурок на свете, раз собрался идти в школу пешком, когда на дворе минус шесть. А потом автобус укатил, на дороге осталось только облако выхлопного газа.

Я медленно выдохнул пар изо рта. Минус шесть, говорите?

- Ты зачем вышел? — спросил Джозеф.
- Не знаю, — ответил я.
- Тебе надо было остаться в автобусе.
- Может.

Джозеф снял свой рюкзак. Практически пустой, так как у него еще не было учебников.

- Дай мне что-нибудь, понесу, — сказал он.

Я дал ему две книжки: «Современную физику» и «Словесность нового века» (очевидно, не такую современную, ведь с начала века уже прошло двенадцать лет). Потом вытащил свою спортивную форму. Но Джозеф отказался — тряпки мои таскать он не станет — и взял «Октавиана Пустое Место»*. Прочтя заголовок, он вопросительно посмотрел на меня, и я сказал:

- Ну да, чтение не из легких.

Джозеф пожал плечами и сунул «Октавиана» в свой рюкзак. Затем он перекинул рюкзак через

* Книга М. Т. Андерсона «Удивительная жизнь Октавиана Пустое Место, предателя нации. Том первый: Праздник оспы» (The Astonishing Life of Octavian Nothing, Traitor to the Nation. Volume I: The Pox Party) вышла в 2006 году. События в ней разворачиваются в США в XVIII веке: Октавиан, сын африканской принцессы, живет с матерью в поместье под Бостоном в окружении философов и ученых и обнаруживает, что оказался частью их научного эксперимента. Вторая книга дилогии: «Удивительная жизнь Октавиана Пустое Место, предателя нации. Том второй: Королевство волн» — вышла в 2008 году.

плечо, кивнул в сторону дороги, и мы потопали — три километра, и было никакие не минус шесть, а гораздо холоднее.

Джозеф всю дорогу шел немного позади меня.

Не могу передать, как задубели у меня пальцы, когда мы свернули к старой Первой конгрегациональной церкви*.

Я оглянулся. Уши у Джозефа покраснели настолько, насколько могут покраснеть уши, прежде чем отвалиться и вдребезги разбиться о дорогу.

— А вот как бы ты узнал, что здесь надо свернуть? — поинтересовался я.

Он пожал плечами.

Когда мы добрались до школы, звонок уже прозвенел и в коридорах никого не было — только завуч Кантон. Мистер Кантон из тех, кто на самом деле мечтал служить в Иностранном легионе, но упустил свой шанс. И теперь патрулирует коридоры средней школы.

- Вы опоздали на автобус? — спросил он.
- Не совсем, — ответил я.
- Не совсем? — повторил мистер Кантон.
- Мы сошли, — уточнил я.

* Протестантские конгрегациональные церкви отличаются от других христианских церквей своей независимостью от каких бы то ни было властей, светских или религиозных: каждый приход живет самостоятельно, но при этом согласовывает на равных некоторые свои решения с другими конгрегациональными приходами.

— Почему сошли?

— Потому что водитель автобуса — придурок, — объяснил Джозеф.

Мистер Кантон как-то сразу вырос. Честно. Распрямился, расправил плечи и упер руки в бока.

— А это, наверное, мистер Брук? Похоже, одна из твоих проблем — недостаток уважения к старшим.

Джозеф молча расстегнул рюкзак и протянул мне обратно мои книги. Все, кроме «Удивительной жизни Октавиана Пустое Место».

— Выговор за опоздание обоим. Понятно?

— Да, сэр, — ответил я.

Мистер Кантон ждал ответа, но Джозеф просто застегнул рюкзак и встал.

— Марш в класс, Джексон. А ты, Джозеф, пойдешь со мной, познакомишься с расписанием. У тебя, между прочим, есть расписание.

Джозеф ничего не ответил. Он пошел за Кантоном, немного позади него.

За ужином я сказал своим, что теперь мы с Джозефом будем ходить в школу пешком. Джозеф продолжал есть. Он даже бровью не повел.

— Что, правда? — отец перевел взгляд на Джозефа, но тот по-прежнему не поднимал глаз, и отец добавил: — Тогда вам, мальчики, понадобятся теплые варежки и шапки. И, возможно, свитера потолще. На дворе уже холодно. Похоже, нас ждет лютая зима.

К утру мама все для нас приготовила.

И очень своевременно: на этот раз температура была намного ниже шести.

Когда автобус проезжал мимо, обогнав нас на повороте у старой Первой конгрегациональной церкви, Эрни Хапфер, Джон Уолл и Дэнни Нэйшенс в наушниках с болтающимися проводами опустили окна и прокричали, что мы полные идиоты, на улице минус двенадцать.

Когда они проехали, Джозеф окликнул меня:

— Эй!

Я оглянулся. Он сбросил рюкзак, подобрал камень с обочины и швырнул его в прямо в колокольню.

Я никогда раньше не слышал звона этого колокола.

Я тоже снял свой рюкзак. Промаяхнул на первом броске. Трудно бросать в варежках.

И на втором броске тоже промахнулся. И на третьем. Где уж мне?..

— Выставляй ногу вперед. И бросай с размахом из-за спины.

Так я и сделал и со второго раза довольно точно попал в колокол. Со второго!

— Вот видишь?

Я кивнул. Говорить не получалось, у меня все лицо заледенело.

А Джозеф?

Улыбнулся во второй раз. Типа того.

Теперь мы каждый день ходили в школу вместе. Вроде как вместе. Он всегда держался немного позади.